

Шведский режиссер Ингмар Бергман — один из крупнейших мастеров современного кинематографа. Творчество Бергмана, художника трагически противоречивого и сложного, отражает кризис морали буржуазного общества. 35 фильмов, снятых режиссером за тридцать лет работы в кино; это страшный реестр духовных недугов западного мира.

Честный, страстно ищущий истину художник, Ингмар Бергман не видит сил, способных перестроить жизнь на основах социальной справедливости, разума и гуманизма. Его искусство ценно прежде всего той горькой правдой, которую художник сказал о мире, где он живет и творит.

Не так давно на экраны вышел новый фильм Бергмана «Крики и шепоты», имевший большой успех у зрителей и критики. Корреспонденты парижского еженедельника «Экспресс» беседовали с кинорежиссером. Мы перепечатываем сегодня это интервью с сокращениями.

— В «Криках и шепотах» снова находишь все ваши темы, можно даже сказать — навязчивые идеи: некоммуникабельность, распад семей, страх смерти, боязнь быстро утекающего времени, отказ от бога. Неужели такова ваше видение условий человеческого существования?

— Да, я в это верю, а вообще-то — не знаю. Снимая фильм, я не намереваюсь говорить об условиях человеческого существования. Когда вы создаете фильм (нет, «создавать» — смешное слово), когда вы работаете над фильмом — пишете сценарий или снимаете, — вы всегда говорите о чем-то, что принадлежит прошлому. Если бы это «что-то» относилось к настоящему, фильм был бы репортажем. Что-то случается, что-то чувствуется, происходит какое-то событие, но понять его во всей истинности и воссоздать можно только позднее. Внутренняя истина должна созреть, чтобы быть использованной в художественной конструкции. Помоему, то, что есть в «Криках и шепотах», в прошлом отражало мой взгляд на жизнь.

Я не чувствую, что сделал пессимистический фильм. Если вы считаете его таковым, значит, я в чем-то допустил ошибку. Может быть, это фильм жестокий и страшный, но он не пессимистичен.

Немного смешно, наверное, рассказывать вам об этом, но я живу на маленьком острове Фаре в Балтийском море. Здесь 700 жителей, земледельцев и рыбаков, которые живут в таких тяжелых условиях, что вы даже не можете этого себе представить. Я не придаю им ореола романтики, но очень к ним близок. Конечно, кто-то из них ненавидит друг друга, здесь случаются иногда весьма жуткие вещи. Однако среди них есть старуха 82—85 лет. Она прожила чудовищную жизнь, но осталась жизнерадостной, исполненной теплоты. Она — человек в самом полном смысле этого слова...

— В ваших фильмах герои ищут бога?

— Нет. Теперь уже нет. Небо совершенно пусто, я убежден в этом.

— Существует ли для вас надежда?

— Да, да, да. Если вы не ждете от жизни слишком многого, если пытаетесь познать свои собственные возможности, если вам выпала удача жить без особых унижений, то вы найдете — не скажу счастье, а некое равновесие. Что такое в действительности счастье, я не знаю. Счастье — это минуты или секунды, сотканые из жизненной силы, порыва, доброты.

— А в чем же спасение для художника?

— О! Художник — это «привилегированный». Он дей-

за сто лет. Но человек по-прежнему остается древним существом, а «радар» художника не изменился. Некогда я был быстрым инструментом, но сегодня мой «радар» — старая, немодная вещь. Радио, телевидение опережают его.

Если мы будем спорить, как люди, верящие в свои идеи о путях изменения мира и жизни, тогда медленно, с терпением и мужеством, воспитанностью и честностью мы, может быть, сумеем что-либо изменить. Но лишь путем дискуссий, никогда — путем насилия.

Один-единственный раз в жизни я пострадал от агрессивности. Это было несколько лет назад, когда молодёжь хотела сдать меня в

ме, мне все это порядком надоело; я хотел побыть в одиночестве. Это было своего рода романтической версией «Старика и моря». Денег у меня не было. Друзья утверждали, что я сошел с ума. Но я упорствовал, построил здесь дом. Зимой этого года выстроил другой дом, где разместились студия и кинозал. Все это не роскошно, но добротно и удобно. Думаю прожить здесь до конца своих дней. Живем мы совсем просто: читаем книги, слушаем музыку, смотрим телевизор.

— Вы любите телевизор?

— Телевизор — это моя страсть! Мой «порок». Он дает мне две вещи. Во-первых, информацию — меньшую, конечно, нежели газеты (ежедневно я прочитываю пять газет — четыре стоковые и местную). Поразительно видеть на экране то, что происходит в мире. И потом, мне очень нравятся многосерийные фильмы, хотя они чуть-чуть глуповаты. Но они мне действительно нравятся! Я смотрю их и расслабляюсь. Это настоящий отдых. Но телевизор я смотрю только вечерами: от 7.30 до 9.30. Чтобы «порок» был настоящим «пороком», ему нужно предаваться дисциплинированно.

— И вы очень дисциплинированный?

— Дисциплина мне необходима. Я не могу работать в беспорядке или импровизировать. Встаю я в 7.30. После завтрака — часовая прогулка в любую погоду, затем до полудня пишу; второй раз завтракаю и в час дня начинаю работать и работаю до 3 часов. Затем — небольшой отдых. Работа не имеет ничего общего с вдохновением и прочими подобными глупостями.

— Мольер наряду со Стриндбергом — это один из ваших учителей?

— Это правильно. Мольер очень близок людям. В нем столько человеческого тепла, столько жизненной силы! Его взгляд так ясен. Это свободный и сильный человек, который сумел остаться таковым вопреки обществу и эпохе, когда он жил. У него каждое слово написано с пониманием театра. Он делает счастливыми актеров и режиссеров. И главное, Мольер никогда не бывает циничным.

— В своем будущем фильме «Веселая вдова» вы несколько меняете манеру.

— Работа над этим фильмом меня очаровывает. На этот раз у нас будут средства, мы сможем иметь прекрасные декорации, много актеров и статистов, сможем воссоздать атмосферу эпохи, сделать нечто действительно веселое. На самом деле деньги нужны не мне. Если я счастлив, что построил студию здесь, на острове, так это потому, что есть хорошие, талантливые люди, которые не находят работы.

Ингмар БЕРГМАН:

«НЕ БЫТЬ ЦИНИЧНЫМ...»

ствительно удачник. У него ведь есть возможность создавать свой собственный мир посредством воображения и творчества. Идет ли речь о романах, фильмах, музыке, даже если дело не ладится — все равно в момент, когда он собирает материал, работает над ним он счастлив.

Я имею в виду всех нас, тех, кто пытается собирать материал и работать. Творчество — это вопрос терпения, и, помоему, любой художник — плохой или хороший — обладает терпением. Творчество — это терпение и смелость, смелость засесть за работу.

— А если он чувствует, что не понял?

— Об этом я могу судить, потому что никогда не знал успеха. Но главное для художника — это работать. В этот миг вы самый счастливый человек на земле.

— Сто лет назад, — писали вы, — произведение искусства могло изменить мир. Сегодня искусство отступило на более скромное место. Вы по-прежнему убеждены в этом?

— Да. Сто лет назад вы могли что-то изменить, сказав нужное в данное время слово. Это делали Толстой и Стриндберг, раньше — Руссо, Вольтер, Шиллер. Теперь это задача политиков.

Сегодня весь мир стал как близок, а события развиваются столь быстро. Невежливо все, что произошло

архив. Это было во время работы над фильмом «Стыд», когда все молодое поколение третировало меня, как старое чудовище.

Очень хорошо помню, как это началось. Всего год назад передо мной сидели восгорженные студенты, увлеченные парни и девушки. И вдруг они стали приходить на мои лекции в огромных шляпах, в больших черных очках, притворялись спящими, когда я входил в аудиторию, бурно митинговали и называли меня идиотом. Мне всегда нравилось спорить с молодыми, я чувствовал, что мне близок их протест, но здесь спорить стало невозможно, они решили, что я враг.

— Чего же они хотели?

— Чтобы я умер! Или, наверное, чтобы я пошел на завод. Я в самом деле пережил тяжелое потрясение. Мне нужно было делать выбор: или начать «свистеть» вместе с «леваками», или же оставаться самим собой. Я решил продолжать свое дело.

— Мы знаем о вашей жизни очень немногое. Не расскажете ли вы о себе?

— Я живу на этом острове шесть лет. Открыл я его, когда снимал фильм «Как в зеркале». Сразу же я влюбился в него. Вернулся сюда, чтобы снимать фильм «Персона». И решил тут поселиться. В то время я был директором Королевского театра в Стокголь-

Ника Маркхем и Стейн Тендер в фильме Франсуа Трюффо «Две англичанки на континенте».

Джули Кристи и Доминик Гард в фильме Джозефа Лоузи «Посредники», получившем первый приз на фестивале в Канне.

Грэхем Фолкнер и Ли Монтегю в фильме Франко Дзеффирелли «Брат-солнце и сестра-луна» — последней работе режиссера.

Это кадр из фильма Ингмара Бергмана «Земляничная поляна», шедшего в советском прокате. В нем Бергман выступает не только как режиссер, но и как автор сценария. Главные роли исполнили В. Шестрем, Б. Андерссон, И. Тулин. Когда режиссера спросили, какой приговор он выносит героям фильма, он ответил: «Приговор? Полагаю, что обычный... Одиночество...»